Подумав немного, Цзинь Цинъянь все же засомневался и сказал: "Когда я впервые услышал ваш ответ, я был уверен, что вы пустили маски на ветер. Но теперь, когда я думаю об этом, как такой скупердяй, как ты, мог допустить, чтобы их выбросить?".

Ань Сяонин нисколько не была виновата в том, что ее ложь была разоблачена. Она сменила тему и попыталась освободиться от его хватки. "Отпустите меня".

Однако он решительно отказывался двигаться, недовольный и раздраженный тем, что она ходила на несколько свиданий с Цзи Юем.

Он опустил голову и поцеловал Ань Сяонин в шею, от чего у нее по позвоночнику побежали мурашки, она напряглась и замерла в шоке.

Она продолжала оставаться в его объятиях, не в силах сопротивляться.

"Я больше не хочу отпускать тебя. У нашего сына поднялась температура, и Шисинь привез его сегодня в больницу, чтобы сделать укол. Когда он вернулся домой, то сказал мне, что ты ему снилась и что он считает детей, у которых нет матерей, самыми жалкими".

Внезапно он просунул руку под колени Ань Сяонин и перенес ее в машину, после чего закрыл дверь, сильно напугав ее.

"Не провоцируй меня больше", - предупредила она.

Он не ответил, положил теплые пальцы на ее лицо и нежно погладил брови.

Ань Сяонин молчала.

Она чувствовала сильное желание вырваться из маленького пространства, в котором они были заключены. Ей было трудно дышать, тем более что их тела находились в таком положении.

Ань Сяонин было крайне не по себе.

"Почему ты не сказал мне, что у нашего сына жар? Что значит, дети без матери жалкие...? У него, конечно, есть мать", - сказала Ань Сяонин, испытывая страдания при мысли о сыне.

Заметив, что в ее горле образовался ком, и она вот-вот разрыдается, Цзинь Цинъянь пожалел, что рассказал ей то, что сказал Цзинь Ичэн.

"Может, нам помириться?" - спросил он.

Ань Сяонин подняла на него глаза, переполненная множеством эмоций.

"Я не могу... позволить, чтобы остаток моей жизни прошел в пустую ради нашего сына. Цзинь Цинъянь, я уже потеряла всякую веру в наши отношения; у меня также нет больше надежды на наш брак. Я была лишена любви и чувства безопасности с самого начала, и я всегда была единственной для себя. Даже когда я была замужем за тобой, я все еще осознавала возможность однажды потерять тебя и больше не рассчитывать на твою любовь и утешение. Ты сказал мне, чтобы я забила на все, не взяв от тебя ни цента, и даже заставил меня отказаться от опеки над нашим сыном. Не давай пустых обещаний и не говори мне, что этого больше не повторится. Мне уже тридцать лет, я больше не наивный и доверчивый двадцатилетний безнадежный романтик. Я надеюсь, что ты посмотришь правде в глаза и признаешь проблемы, которые существуют между нами. Как только ты нарушишь мое доверие, в наших отношениях

появятся трещины, как в разбитом зеркале, которое невозможно починить".

Как только она закончила говорить, он перестал шевелить пальцами и убрал руку.

Очевидно, он понял смысл всего, что она сказала.

"Я готова отдать тебе все, что могу предложить, если это сможет изменить твое мнение. Если ты не будешь чувствовать себя в безопасности, я завещаю тебе все свои активы и имущество. Мне вообще ничего не нужно. Подойдет?" - торжественно сказал он.

Из покрасневших глаз Ань Сяонин начали течь слезы, капли катились по ее лицу и к шее.

"Нет", - холодно ответила она.

Цзинь Цинъянь, охваченный паникой и тревогой, крепко схватил ее за руку и сказал: "Я не приму отказа. Я докажу тебе, что больше никогда не буду тебе не доверять. Сяонин, доверься мне".

Ань Сяонин вырвала свою руку из его руки и замолчала.

Заметив ее реакцию, Цзинь Цинъянь попытался выкрутиться и сказал: "Я больше не буду принуждать тебя или заставлять делать что-то против твоего желания, но не могла бы ты относиться ко мне как к другу и разрешить мне ходить с тобой на ужин? Мы могли бы играть в бильярд или просто проводить время вместе".

"Я не могу относиться к тебе так же, как к другим".

Цзинь Цинъянь не знал, радоваться ему или огорчаться, услышав ее ответ.

Прежде чем он успел ответить, Ань Сяонин продолжила: "Ты отец моего ребенка. Уже один этот факт отличает тебя от других. С этого момента я всегда буду видеть в тебе только отца моего ребенка, и ничего больше. Поэтому, пожалуйста, относись ко мне как к матери своего ребенка. Не вынашивай никаких идей и не надейся на что-то большее".

Сердце Цзинь Цинъяня опустилось на самое дно. Ее слова ясно означали, что она уже отказалась от него и не собирается больше с ним мириться.

"Похоже, мне еще предстоит пройти долгий путь. Раз уж ты не хочешь снова стать мне другом, не вини меня за то, что я навязываюсь тебе. Ты навсегда останешься моей".

Ань Сяонин усмехнулся и ответил: "Чем ты отличаешься от Е Сяотянь? Ты можешь считать себя Е Сяотянь, но я никогда не буду такой, как Мо Ли. Цзинь Цинъянь, я просто не могу бороться с тобой физически. Будет не очень приятно, если папарацци сфотографируют нас и напишут статью о том, как дважды разведенная пара устроила драку на улице".

Он саркастически усмехнулся и сказал: "Я просто сделал случайное замечание. Честно говоря, сколько раз я делал тебе внушение? Если бы я действительно хотел навязать тебе себя, мы бы уже несколько раз вступали в интимную связь".

"Какой бессовестный негодяй".

"Я такой, только когда дело касается тебя. С другими женщинами я джентльмен".

"Как будто я тебе поверю".

"Я серьезно, ты единственная, к кому я принуждаю себя".

Ань Сяонин почувствовала, что ее лицо стало красным и горячим от смущения. Она взглянула на него и сказала: "Я возвращаюсь, отпусти меня".

Он отпустил ее и позволил ей выйти.

Затем он уехал на своей машине, глядя на отражение ее красного Ferrari в зеркале заднего вида. Затем он посмотрел вниз на руку, которой раньше касался ее талии.

Бог знает, как отчаянно он хотел запустить руку под ее одежду. Но он обуздал свои желания и молча страдал.

Трудно быть мужчиной.

Этой ночью Цзинь Циньяну приснился эротический сон, в котором он и Ань Сяонин с пылкой страстью занимались сексом в машине. Проснувшись, он понял, что намочил постель своей эякуляцией, и в шоке уставился в пустоту, прежде чем встать с кровати, чтобы привести себя в порядок.

Назовите это телепатией или, возможно, даже совпадением. Ань Сяонинь тоже видела сон о Цзинь Цинъяне.

Она не могла вспомнить точных деталей сна, но знала, что он был связан с ним. Проснувшись утром, она почувствовала, что ее разум измотан.

Несмотря на то, что прошлой ночью она спала восемь часов, ее все еще мучила сонливость и усталость, как будто она совсем не сомкнула глаз. Она тащила свои тяжелые ноги по дому, идя нетвердой походкой.

"Ты простудилась?" спросил Линь Минси, заметив, что она выглядит нездоровой. Положив руку ей на лоб, Линь Минси продолжила: "У тебя нет температуры".

"Прошлой ночью мне приснился длинный сон, и мой мозг никак не мог успокоиться. Наверное, поэтому я все еще устала".

"Что тебе снилось? Выкладывай скорее", - любопытствовала сплетница Линь Минси, любопытная, как кошка.

"Я забыла", - ответила Ань Сяонин, держа в руке чашку с теплой водой.

"Вчера вечером ты ходила на свидание с майором Цзи. Есть ли уже какой-нибудь прогресс между вами?"

"Это не свидание, это была обычная прогулка между друзьями. Мы просто поужинали и поиграли в бильярд. Я всегда натыкаюсь на Цзинь Циньяна, когда гуляю с Цзи Юем. Так было и в кинотеатре, и на озере Луо Эр. Вчера вечером это повторилось", - неторопливо сказала Ань Сяонин, прислонившись к столу.

Линь Минси потрясенно откинула челюсть. "Ты хочешь сказать, что он появился из ниоткуда, когда ты наслаждалась Цзи Юем?"

"Да".

"Тебе конец. Это первый шаг, который делают мужчины, когда хотят вернуть тебя. Он думает, как бы снова за тобой поухаживать", - на полном серьезе сказала Линь Минси.

http://tl.rulate.ru/book/24840/2087756